

АННА
ТЕПЛИЦКАЯ

НИНО

И ЕЕ РЕАЛЬНОСТЬ

АНТИРОМАН О ЛЮБВИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т34

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Теплицкая, Анна Аркадьевна.
Т34 Нино и ее реальность : роман / Анна Теплицкая. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-239380-8

Нино разрушила семью и уехала по маршруту Петербург — Тбилиси в надежде наконец найти себя. В Грузии она встречает Сандро — мужчину, рядом с которым легко забыть, кем она была раньше.

Остаться — или вернуться и попытаться восстановить разрушенный брак? В городе, где свобода ощущается острее боли, Нино оказывается один на один с собой — без иллюзий и без защиты.

Теперь ей предстоит понять, где заканчивается прошлое и начинается настоящая жизнь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239380-8

© Теплицкая А., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Действующие лица и краткое содержание первой книги

Семья Кецховели

Тамаз Кецховели — удачливый в двухтысячных бизнесмен, человек твердой воли и непроговоренных чувств. Вместе с семьей переехал из Тбилиси в Петербург в 1992 году. Отец Нино

Ольга Кецховели — сибирячка, вышла замуж за Тамаза в юном возрасте и прожила с ним всю жизнь

Нино Кецховели — родилась в 1991 году. На фоне кризиса в семейной жизни обратилась к психотерапевту-гипнологу, пытаясь спастись от алкогольной и любовной зависимости. Осталась без мужа, без любовника и без иллюзий

Лиза Кецховели — бабушка Нино, хранительница рода. До последнего дня жила в Грузии, оберегая старое поместье в Ксани

Давид Кецховели — дед Нино, человек земли и виноградной лозы

Бонишевские

Алексей Александрович — полковник спецслужб, старше своей жены Нино почти на десять лет. Часто находился в разъездах, ушел от Нино к другой женщине

Давид/Датоша — старший сын Нино

Матвей — младший сын Нино

Валентина Бонишевская — мать Алексея Александровича, вдова, женщина строгих правил и железной воли

Семья Беридзе

Гела Беридзе — успешный предприниматель с мрачным прошлым, связанным с грузинской националистической организацией «Мхедриони». Бежал из Тбилиси после кровной мести за своего старшего брата. Первый любовник Нино, человек страсти и гордыни

Дато Беридзе — старший брат Гелы, член «Мхедриони», был убит в Тбилиси в 1992 году

Лейла Беридзе — жена Гелы, знающая больше, чем говорит. Мать Ии и Левана

Ия Беридзе — блогер, лучшая подруга Нино. Пережила развод, вышла замуж за Серго и мечтает о ребенке как о втором шансе

Леван Беридзе — младший брат Ии, математик по образованию. В детстве был влюблен в Нино и слишком рано понял, как устроен мир

Прочие лица

Николай Васильевич — гипнолог-психотерапевт, специалист по зависимостям. Человек, который научил Нино входить в прошлое и пытался научить выходить из него

Никита/Ник — молодой любовник Нино. Работает в венчурной индустрии, говорит на языке стартапов, рисков и быстрых решений

Алиса — подруга Нино, трудоголик. Устроила ее на работу в бизнес-клуб

Михаил Воробей — харизматичный основатель бизнес-клуба

Валерия Воробей — жена Михаила, чья ревность стоила Нино работы

Фрося — молодая сотрудница бизнес-клуба «Гиганты». Не замужем, влюблена в Михаила Воробья

Глава 1

Я стояла на вершине Мтацминда и вдыхала в себя Тбилиси с высоты. Грузия замерла в ожидании моего приговора. Столица подо мной совершенно не походила на жестокий город из рассказов Гелы. Люди здесь страдали от коррупции, жилищного хаоса, легкого политического абсурда, но, парадоксально, здесь ощущалось больше свободы, чем где-либо. Как будто нищета и грязь были индульгенцией: делай, что хочешь, все равно хуже не будет. Сегодня я была милостива, как Святая Нино: несмотря на невзрачный вид, я решила дать моей родине шанс.

Уже две недели я жила в самом модном отеле города Stamba, осваивалась и привыкала. Я совершенно одна. Портье одаривали меня жалостливыми улыбками, недоумевали, отчего юная женщина методично напивается, валяясь на шезлонге, часто плачет и жалеет себя. Я бесконечно жарилась на солнце Сакартвело, смотрела подкасты на грузинском — не знаю

зачем: понимала я от силы процентов десять, зато выучила имя премьер-министра.

В дорогих номерах знающие толк в жизни дизайнеры расположили ванны прямо на балконе, вот поэтому я быстро освоила новую привычку и каждый вечер нежилась в горячей воде, наблюдая за медленным падением солнца. «Начинается моя жизнь довольно неплохо», — думала я, потягивая вино из бокала. Несколько раз мысленно повторила: «Я грузинка, и я дома», будто пыталась вспомнить вкус этого состояния. Конечно, я понимала, сколько требуется работы, чтобы узаконить такое спорное убеждение. А что, выучу грузинский, исхожу Тбилиси вдоль и поперек, найду любовь и брошу курить... Глупое дело откладывать никак нельзя, а то передумаю!

Я поднялась из ванны и подмигнула своему отражению. Голая упругая женщина в зеркале стояла, упершись худыми руками в бока и обратив загорелые ягодицы к городу. «Секрет молодости в вечном страдании, уж точно», — подумала я и спустилась на оживленную улицу Мераба Костава.

Солнце уже коснулось горизонта, разом охладив воздух. Прохожие накинули на плечи куртки, когда я вышла из книжного, зажав под мышкой два самоучителя по картули. Через несколько шагов, прикупив подозрительно дешевые национальные сигареты Georgia Naturals, я направилась в сторону Сололаки к Вифлеем-

ской лестнице, остро ощущая свою грузинскую идентичность, словно она ударила мне в голову как домашнее вино. Когда-то разбогатевшие армянские купцы выстроили здесь целый район, стены будто не успевают подобрать фасад: тут керамический лев, там облупившаяся штукатурка, дальше кусок персидской плитки.

Сейчас Сололаки, как и наша улица Рубинштейна, по большей части знаменит своим бар-хоппингом, но днем тут кипит странная жизнь: в подъезде напротив предлагают крафтовый сидр, через дорогу молодой режиссер открывает микротеатр на двадцать зрителей. На углу улицы Дадияни густо пахнет тмином — это пекарня вытаскивает из печи шоти, гнущиеся как хатха-йоги.

— Девушка, — крикнул мне на русском симпатичный парень. — Вы актриса?

— Актриса? — переспросила я со смешком. — Увы, нет.

Учебники я тут же спрятала в объемную сумку, чтобы не палиться. Я ловила себя на мысли, что стараюсь держать рот закрытым: местные недолгоблюдали русских. По дороге я купила персиковые шарики мороженого и дальше шла, чуть пританцовывая. Так вот почему в Питере я не любила мороженое! На севере ты должен питаться по-другому, чтобы выжить. Например, пиво как дешевый анестетик от поступательной сырости, семечки — карманные четки от тревожности и, пожалуй, корюшка. Она —

маленький тотем дохлой рыбы, всплывающей брюхом вверх после каждого душевного шторма. Я села на скамейку и закурила; с моего места отлично просматривалась величественная фигура Картлис Дэда — Мать Грузия. Эта статная женщина держала меч для врагов и чашу с вином для гостей, платье сидело на ней так, будто снято с подиума.

— Ну что, дэда, нальешь мне веселья? — спросила я.

Статуя на меня и не смотрела. Зато подошла ластиться блохастая кошка, я одними губами сказала: «Сссь...гинь», и она, кажется, понимала русскую речь лучше некоторых.

Я вернулась в Stamba за полночь, сбросила сумки и, преодолев желание потанцевать голой перед зеркалом с бутылочкой белого, схватила самоучители. «Хватит, Нино, бездельничать, смысл в том, чтобы учиться и в этом процессе обрести себя». Я раскидала коробки с обувью и нашла широкоформатный блокнот в бархатной обложке. Покусала кончик цветной ручки и придумала название «Изучение Грузии и самой себя». Весь смысл ежедневных трудов в дисциплине и новых знаниях о мире и о себе. В качестве духовной и грамматической практики каждый день я буду добавлять сюда несколько абзацев.

Мягкий переплет блокнота гнулся в руках. Первое задание — выписать на грузинском слово дня; трудность в том, что все закорючки

должны быть выведены идеально. Я подумала, сверилась с самоучителем и написала «ам-бори». Мое первое слово на первую букву грузинского алфавита (ა — ани) — «поцелуй». Это мое личное слово, которое составляет всю сущность целиком. Я сама королева переходов: от детства к зрелости, от одиночества к близости... кроме того, я просто обожаю целоваться.

Вторым блоком идет мудрость грузинского народа. По задумке, надо найти емкое выражение, которое соответствует настроению, запомнить его, а потом вставлять в речь с умным видом. Я открыла сборник стихотворений, выбрала наугад Галактиона Табидзе; мужику с именем повезло — самое крутое имя во вселенной. Естественно, он писал про любовь, и я аккуратно перенесла символы на бумагу: «усикварулод мзе ар суфевс цис камаразе»¹. Кажется, уже через минуту я спала под диджей-сет, доносившийся с крыши.

¹ Нет без любви сиянья солнца в небесах.

Глава 2

Мои дни превратились в бесконечный экскурсионный поток. Без отдыха я шатаюсь по городу, запоминая дорогу, учусь ориентироваться в хитросплетениях улиц. Беру хинкали в Pasaauri — четыре штуки, считаю складочки, как учила Лейла: «...ровно двадцать одна, и это истинное мастерство».

— Почему это двадцать одна? — удивляется Гоги, который работает здесь уже тридцать лет. — Эталон — девятнадцать! Хинкали символизирует солнце, а складочки — девятнадцать богов севера Грузии. «Ха-ха, Лейла, оказывается, никакой ты не эксперт», — подумала я, а вслух сказала:

— Спасибо, Гоги, это очень важно для меня!

Я заглатываю плотные мешочки и не могу наестся. Они лопаются во рту, выпускают питательный бульон. Руки тянутся к следующему, прежде чем я успеваю отложить узелок из теста. Нервно поглощая еду и спиртное, я раз-

мышляю о вчерашних «делах»: спала в кресле Театра марионеток Резо Габриадзе, безучастно смотрела на тбилисские пейзажи в доме-музее Ахвледiani, валялась на траве за бамбуковой рощей в Ботсаду. Темп, с которым я прорастала в свою новую реальность, отпугивал на время гнетущие воспоминания и оставлял меня в безмятежном неведении о моем внутреннем состоянии.

Несмотря на обуявший меня голод, я становлюсь все худее. Ловлю отражения в витринах и удивляюсь, настолько эта женщина не походит на питерскую Нино. В детстве я мечтала быть не простой худой — тощей, как модели из глянцевого журналов. Все сбылось: глаза, обрамленные черной подводкой, сделались на контрасте с изможденностью лица совершенно огромными. В новых шмотках я вполне могу сойти за свою: широкие брюки сложного кроя, короткий тай-дай-топ, бейсболка с надписью «Virgin Prostitute» и сумка, будто ее с рождения не стирали, — треш-эстетика. Как будто только выползла из техно-клуба Bassiani. Черные очки влипли в мое лицо, и я уже не представляла, как оно выглядит без закрывающих глаза стекол. Я окончательно спряталась, и это стало лучшим решением моей новой жизни.

Я миновала очередной двор. Когда-то здесь накрывали длинные столы — его обитатели собирались вместе и трапезничали, все было

принято делать сообща: устраивать свадьбы, отмечать праздники, справлять поминки. Интересно, как бы я относилась к этому городу, если бы родилась здесь, просыпалась бы каждое утро в одном из этих домов из плотного кирпича? Мысли опять поплыли: «Какой бы я была? Уверенной и смелой, как Ия, или, наоборот, город приручил бы меня, и я стала бы женщиной, четко сознающей свою принадлежность к этой земле, а поэтому тихой и покорной?» Любопытно, за кого бы я вышла замуж? Так сложилось, что мой папа сбежал из Тбилиси за руку с Гелой, и я выросла в чужом мне городе, встретила Алексея Александровича, человека, как оказалось, мне совершенно неподходящего. Что ж, как вышло, так вышло, и тут уж ничего не поделать. Эти размышления навевали тоску, но, несмотря на это, мне нравилось совать нос в чужие семьи и представлять себя их частью. И главный вопрос был: «Если бы Тамази остался здесь, что бы осталось от меня?»

Впереди дом в мавританском стиле с милой башенкой — улица Иванэ Мачабели, я ее уже знаю. Второй поворот направо после второго поворота налево оказался улицей Беридзе, я сунула туда свой нос и удивилась тому, какая она вонючая. Из прошлой жизни последней, кого я видела, была Ия Беридзе. Ровно три недели назад. Она стояла в проеме гардеробной, когда я швыряла вещи в чемодан, и проклинала меня на чем свет стоит.

— Где твоя поддержка, Ия? Меня только что бросил муж!

Она разразилась бранью на грузинском.

— Впервые рада, что не понимаю ни слова, — сухо сказала я.

— То, что он гондон, не дает тебе права поступать так со всеми нами! Особенно с мальчиками!

Протолкнув внутрь лабутеновский каблук, я еле застегнула молнию и, отряхнувшись, твердо сказала, чтобы Ия не лезла в мою жизнь.

— Ты знаешь, куда он ушел? К кому? — спросила она.

— Знаю. К Василисе.

Ия замолчала, а потом затараторила с новой силой: «Ты уверена, Лат'ираки¹? Может, он это нарочно. Пока не доказано, не ****, что сказано!»

— Он должен теперь предоставить доказательства своей измены? Ты слышишь, что говоришь? Какого ты о нем высокого мнения!

— Алексей тебя любит, я знаю точно.

Вместо ответа я хлопнула входной дверью и ушла, оставив ее с моей квартирой наедине. Это был последний человек, с которым я так или иначе попрощалась. Свой номер я выбросила на следующий день.

В четверг я прогуливалась по дорожному Вера и с удовольствием подумала, что хочу остано-

¹ Малявка.

виться в Тбилиси не понарошку, а по-серьезному. День был прекрасный и настраивал на размышления. На Лео Киачели я сразу заметила особняк цвета старой терракоты с гипсовыми маскаронами — полуразрушенное богатство уходящей эпохи. Здесь живут бывшие оперные певцы, наследники громких грузинских фамилий, наверняка и женщины с разбитым сердцем. «Мое место», — щелкнуло внутри. Я даже не удивилась, когда самая большая квартира на последнем этаже оказалась пустующей.

— Живший там художник сбежал в Берлин после неудачной выставки, — из подъезда вышла болтливая старушка с таксой по имени Бахтияр — она и стала моей первой тбилисской подружкой.

Денег после расставания с Алексеем Александровичем хватало, и десять с половиной тысяч лари в месяц на аренду для меня пустая формальность. Я подробно заполнила карточку, с особенной тщательностью выписав никому не нужное отчество. Хозяйка удивилась, что я планирую жить в одиночестве:

— У тебя что, нет детей?

— Ара, марто вар¹, — на ломаном грузинском объяснила ей я: одна.

Она пожала плечами, но смотрела с подозрением, видимо, все же выдавала меня расплывшаяся фигура, хотя хотелось думать, что

¹ Нет, я абсолютно одна.

ею двигало простое грузинское недоверие к самодостаточному женскому одиночеству. Сама она страшно гордилась тем, что четверо детей подарили ей уже десятерых внуков: «Одиннадцатый на подходе». Она ждет задаток. Вместо паспорта я кидаю на стол пачку розовых лари.

— Только не снимайте виноград с балкона, — говорю. — Он мой.

Ключ хрустнул в замке, и дверь широко распахнулась, вдыхая меня вместе с медовой жарой Старого Тбилиси. Пыль повисла в воздухе, и я замерла, оглядываясь: квартира великолепна. Четыре арочных окна в два человеческих роста, кованый балкон смотрит на влитую в гору церковь Святого Давида. Я бросила вещи, кинула сумку на винного (естественно!) цвета диван и побежала по просторному холлу: паркет скрипит, у каждой доски свое мнение, как и у меня. Свечи — везде, стеллаж с книгами на русском, французском и грузинском. Картины, оставленные предыдущим жильцом; никто не знает, кто он, но говорят, что художник был несчастен. «Кто говорит?» — спросила я хозяйку Бахтияра. «Все говорят», — ответила она. Рассматриваю полотна внимательно: больше всего нравится то, на которой разбитый бокал. В центре большая тумба с проигрывателем и пластинками: Гиули Чохели, Инола Гургули, Виктор Цой, «Орэра». Заглядываю в каждую из трех спален по очереди, выбираю для себя ту, которая в приглушенных оливковых тонах.